

Новое в науках о человеке

Если ребёнок завис

Можно ли победить в борьбе с аутизмом?

Марина КУЗЬМИНА

«Саша, низко опустив голову, что-то сосредоточённо выводит на листе бумаги. Со стороны кажется, что он полностью поглощён своим занятием и никакие окружающие звуки его не интересуют. Когда положила руку на край его парты, Саша вздрогнул, и наши взгляды встретились на долю секунды. Серые, блеклые, без искорки глаза ничего не выражают. Он снова погрузился в собственный мир и продолжил ставить точки на полях пустой тетради. Так прошло ещё 20 минут. Саша не слушает учительницу и не выполняет никаких письменных заданий. Прозвенел звонок, все дети с шумом ринулись из класса. Саша никуда не побежал, он рассматривал сквозь длинные пальцы солнечный свет, медленно подставляя то одну, то другую руку. Когда учительница попросила его покинуть кабинет, чтобы проветрить помещение, он вышел и стал бегать кругами по точно нарисованному линолеуму...» — читаю запись из рабочей тетради. На педсовете я огласила Сашин диагноз «синдром Каннера, или детский аутизм».

В последнее время участились случаи обращения к психологам за консультацией со сложными, подчас «пограничными» между областью психологии и психиатрии болезнями детей. А именно таков детский аутизм. Прочитав эти строки, каждый из учителей обязательно вспомнит несколько подобных случаев из собственной педагогической практики. И, как правило, в борьбе с данной болезнью они проигрывали. Ребёнка исключали из школы. Так что же такое детский аутизм и каковы пути помощи?

Аутизм — недостаточное развитие центральной нервной системы, выражается в отсутствии индивидуальной активности начиная с 2,5 лет с последующей задержкой в развитии речи, внимания, памяти. Процент аутизма колеблется от 4 до 15 случаев на 10000 детей. По статистике, чаще им страдают мальчики, чем девочки. Высказываются различные предположения о происхождении данной болезни: наследственность, генные мутации, травмы при беременности и родах и т.д. Но, к сожалению, точной причины пока не выявлено, хотя опыты по исследованию данного явления продолжаются. В любой здоровой семье есть вероятность рождения аутичного ребёнка.

Диагноз «детский аутизм» звучит как окончательный приговор успешной деятельности ребёнка, подтверждающий его недееспособность. Но это не совсем так.

Во-первых, следует отличать аутизм от шизофрении. Последняя характеризуется появлением галлюцинаций и других острых психических расстройств. Аутизм — это вялотекущий процесс, при котором существует возможность добиться положительных результатов в обучении и воспитании только лишь в условиях доброжелательного, спокойного климата, ощущения защищённости и комфорта. Аутизм — не есть отсутствие интеллекта вообще и даже не есть его снижение. Такие дети бывают подчас одарёнными в какой-либо одной сфере деятельности, проявляют к ней повышенный интерес, но других склонностей не обнаруживают, все остальное их как бы вовсе не интересует, они не понимают элементарных вещей. Умственное развитие таких детей происходит по внутренним, индивидуальным законам. Они длительное время «зависают» на достигнутых результатах в обучении, топчутся на месте, продвижение вперёд бывает скачкообразным с возможными откатами назад.

Во-вторых, аутичных детей часто ругают и обвиняют в повышенной агрессии. *«Во вторник, когда дети играли на улице, Саша подошёл и схватил одного мальчика за волосы. Произошла ужасная драка. Никакой причины не было. Сашу как будто кто-то подменяет в эти моменты, он не контролирует себя, может нанести тяжёлые травмы. Как потом разговаривать с родителями? Хотя, когда он успокоится и ему объяснишь, как плохо он по-*

ступил, Саша просит прощения. А на самом деле он очень добрый, всегда поливает цветы в классе», — рассказывает классная руководительница. Агрессия аутичных детей связана с их основной психологической проблемой — невозможностью успешной социализации (особенно в кругу сверстников). Они хотят вступить в контакт с окружающими, но не знают, какую схему поведения выбрать. Аутичные дети мыслят шаблонно, стереотипно, применяя один раз воспринятую схему для всех подходящих случаев. Чтобы решить эту проблему, педагогу необходимо предоставить ребёнку другие, более адекватные варианты поведения. Например, сказать: «Когда прозвонит звонок и все ребята побегут играть в футбол, то пойдёшь к ним и попросишь: «Можно я буду стоять на воротах?» Тогда тебя никто не будет обижать, ведь ты вежливо выразишь своё желание, а не будешь грубо отбирать у них мяч». Чтобы ребёнок не стеснялся, нужно подбодрить его и даже постоять рядом, пока он не выскажет свою просьбу.

В-третьих, аутизм следует отличать от скверного воспитания, связанного с отсутствием привитых в семье навыков грамотного общения. Когда нормальный ребёнок бывает повышенно тревожным, с большим количеством страхов, то психолог начинает рассматривать семейные проблемы. В данном случае семья к аутизму не имеет никакого отношения. Такие дети с самого рождения бывают отгороженными от родителей, не имеют близких, эмоциональных контактов ни с матерью, ни с отцом. Пробыться во внутренний мир такого ребёнка очень сложно. О себе дети говорят: «Он пойдёт» или «Он будет кушать». Аутичные дети крайне избирательны в еде, игрушках, людях. Они подвержены в большей степени страхам, боятся резких шумов, чужих людей, скрипа, закрытых помещений, воды и т.д. Все, что не вписывается в сложившийся жизненный стереотип, вызывает у них страх и тревогу. Аутичные дети не чувствуют других людей, не понимают, что движет ими, не ощущают причинно-следственных связей. Они видят, что люди боятся их и не хотят с ними общаться, поэтому ещё больше замыкаются в себе, в основном молчат, не смотрят собеседнику в глаза. Общаясь с аутичным ребёнком, приготовьтесь много и долго говорить без взаимного интереса с его стороны. В борьбе со страхами главное — это их предупреждение. Расскажите ребёнку, что может случиться в том или ином непредвиденном случае.

Из всего вышесказанного следует, что аутизм — это серьёзное заболевание. Работать с такими детьми невозможно без специальных знаний и навыков. Поэтому, если у вас в классе есть похожий ребёнок, советую не проявлять самостоятельности, дабы не навредить ему. Но если вы считаете, что справитесь сами и готовы посвятить ему много времени, сил, доброты, заботы, внимания и любви, то прислушайтесь к некоторым советам.

Чтобы установить доверительный контакт с аутичным ребёнком, нужно уметь хорошо подстраиваться к его интересам и следовать за ними. Помните, что ему особенно необходимо теплое отношение окружающих. Чаще улыбайтесь. Спустя какое-то время он может подойти к вам и поделиться своими игрушками, рисунками, песенкой и т.д. Аутичный ребёнок, как правило, приносит что-либо, кладёт на ваш стол и уходит. Здесь главное не оттолкнуть его, дать почувствовать, что являетесь его другом, готовы поиграть с ним в любую игру. Проявляйте инициативность. Начинайте сами фантазировать с тем, что он дал, говорить, придумывать рассказ или историю, в которой он является главным действующим персонажем.

Мы подошли к самому главному моменту в работе с аутичными детьми — игре. Только через неё существует возможность найти контакт с аутичным ребёнком. Специалистами в области исследования головного мозга выявлено, что игра способствует развитию левого полушария, отвечающего за память, речь, абстрактное мышление. Обычно именно с этим возникают проблемы. В качестве игры подойдут любые: прятки, пятнашки, вышибалы. Придумайте сценки из реальной жизни: поход в цирк, прогулка в парке, гости и т.д. Аутичные дети не любят много говорить, поэтому будет лучше, если вы сами придумаете рассказ, а он будет только вставлять в него детали. В психологии есть следующий приём: класс сочиняет сказку. Начинается она со слов «жили-были...», далее каждый ученик говорит по несколько предложений.

Аутичные дети мыслят образами, а не отдельными предметами, поэтому им сложно сконцентрировать внимание на деталях. Подготовьте картинки двух видов: с изображениями

предметов домашнего обихода, привычных ребёнку, и их названиями. Соединяя вместе эти картинки, вы закрепите в сознании аутичного ребёнка образ предмета со словом, его обозначающим. Обучать письму лучше не по буквам, а сразу целыми словами. Такие дети, как правило, хорошо считают, поэтому заострите внимание на сравнении количеств и соотношении цифры и числа предметов. Раскладывая кубики, можно сочинить рассказ: «Летом Саша поедет к бабушке в гости, сядет в большой поезд, в котором 10 вагонов. На соседних путях будет стоять другой поезд, у которого будет на 5 вагонов меньше. Сколько их будет?..» Так можно писать и одновременно считать деревья за окном, столы в классе, цветы на окне, конфеты во время чаепития. Некоторые аутичные дети любят рассматривать красочную рекламу, что также можно использовать для обучения чтению. Я часто использую раскрашивание частей своего лица перед зеркалом. При этом дети рисуют пальцами и кистью, развивая стремление к самопознанию.

«Саша на уроке сидит спокойно, его никто не беспокоит. Вдруг он начинает стучать ботинком по стулу соседа напротив, на все просьбы прекратить не реагирует», — говорит учительница пения. Аутичные дети нуждаются в человеке-суфлёре, который бы переводил их действия на простой, всем понятный язык и, наоборот, объяснял им смысл поступков окружающих людей. На самом деле Саша хотел просто вступить в контакт.

В завершение хочу сказать, что для лечения детского аутизма необходимы координация и успешное взаимодействие родителей, педагогов и психологов. Следует придерживаться лечебного режима, чёткого распорядка дня, по которому ребёнок будет жить и учиться. И помните, что аутизм никогда не излечивается до конца, существует вероятность только лишь снижения его основных негативных моментов, и в этом мы сообща можем помочь.

Учительская газета, № 14, 2001

Оголённый нерв

Группа Элби Мессинга из Университета Висконсин-Мэдисон выделила ген, ответственный за редкое наследственное заболевание мозга. Об этом — статья в Nature Genetics.

Болезнь Александра, которой заинтересовались учёные, поражает детей в возрасте 2–6 лет. Как правило, она приводит к разрушению нервной системы и смерти. Исследователи предполагают, что при заболевании нарушается процесс формирования миелиновых оболочек окружающих нервы. Мессинг предположил, что это вызвано мутацией в гене GFAP. Его гипотезу подтвердили исследователи ДНК пациентов: у всех обследованных детей, страдающих болезнью Александра, этот ген был повреждён.

Чтобы окончательно убедиться, что задействован именно этот ген, учёные отключили GFAP в мышечных эмбрионах. У появившихся на свет трансгенных мышат вскоре развились все симптомы болезни Александра.

Исследование молекулярного механизма наследственного неврологического заболевания позволит создать эффективные лекарственные препараты. Учёные надеются, что с их помощью можно будет не только спасти, но, может быть, даже вылечить многих маленьких пациентов. Кроме того, выяснение причины болезни Александра может помочь разобраться в «принципе действия» других заболеваний миелиновых оболочек.

Поиск. 12 января. 2001.

Детям надо играть, а не учиться

Отсутствие разнообразия губит нашу жизнь. Каждый день одно и то же: работа, домашние дела — всё предсказуемо, всё известно. И если даже взрослые дяди и тётки нуждаются в ощущениях новизны, чтоб окончательно не сойти с ума, то каково же детям!

На детскую игру можно смотреть по-разному. Но есть законы, не подчиняющиеся ничь-

им желаниям. Согласно одному из них, если какая-то стадия развития не пройдена полностью, то следующая будет протекать искаженно. Детство — время игры, и если заблокировать игровые способности ребёнка, на давая ему поиграться, то на следующих этапах развития он будет доигрывать недоигранное, вместо того, чтобы идти вперёд.

Кибернетики утверждают, что в каждый момент жизни в поле активного сознания выведено лишь 2% содержания психики. Какая бесполезная скукота, если это всё время одни и те же 2%! Вывести сразу 10–15% — значит оказаться в состоянии сумасшествия. Игра же позволяет изменять состояние сознания постоянно, избегая застоев и ненужных взрывов.

Родительские увещания и запреты, — пишет «Домашний очаг», — могут сыграть с ребёнком злую шутку. Как, например, было с одним мальчиком, которому всё время говорили, мол, учись, учись и учись. В три года выучившись читать, в свои 11 лет он был аж в 7-ом классе. Родители, естественно, гордились таким сыном. Как вдруг у мальчика начались проблемы со здоровьем: головные боли, бессонница, плач, крошащиеся ногти... Педиатры дружно рекомендовали годовой перерыв в учёбе. Ну а психолог посоветовал оставить мальчика в покое хотя бы на месяц. Несколько дней вундеркинд просто отсыпался, а потом стал помаленьку играть в игры трёхлетнего возраста. Постепенно, через день-два, он переходил к играм более старшего возраста, добирая то, чего лишили его в детстве родители. А спустя недели три впервые за несколько лет запел за игрой. Мать собиралась вести его к врачу, но, взглянув на ногти, была поражена — они были целёхоньки. Депрессии и нервные срывы прекратились. Он вылечился, играя.

Свежий номер, 5 мая, 2001

Геном человека прочитан, но не понят

Более трети всех наших генов имеют очевидные признаки сходства с генами бактерий
Вадим РЕПИН

Завершено изучение текстов двойной спирали ДНК — главных материальных носителей генетической информации в клетках человека. С помощью замечательных машин-автоматов (секвенаторов) все два метра текста ДНК клетки (собранных из 3 млрд. кирпичиков-нуклеотидов) «прочитаны», и вся информация была нанесена на карту 23 парных «отцовских» и «материнских» хромосом.

Функции «информационной пустоты»

Смысловыми участками ДНК принято считать области, которые копируются так называемыми молекулами мРНК. Часть ДНК, которая не копируется молекулами РНК, считается информационно бессмысленной. Визуальное представление этих данных поражает воображение. Ведь получается, что 98,5% протяжённости хромосом — это безжизненная территория вещества без информационной «начинки», информационная пустота.

Много миллионов лет назад хромосомы многоклеточных организмов выросли в длину и толщину на несколько порядков путём увеличения каркаса ядра задолго до появления самого человека на Земле. Это не сопровождалось ростом численности генов на хромосомах. Потoki генетической информации редко и случайно касались этой территории: подобно микрометеоритам, например, сюда залетали и «застывали» уже неживыми памятниками фрагменты ДНК вирусов. Специальные приёмы позволяют определять даты этих далёких событий в эволюции ДНК.

Возможно, что преобладание бессмысленных отрезков ДНК служит пассивной защитой от опасных вирусов, поскольку вероятность попадания разрушающей вирусной информации в смысловую область резко уменьшается. Огромные участки ДНК остаются «нераспаханной целиной» в течение всей жизни клеток. Хотя пустые концевые участки хромосом, как и область центромеров (первичные места спаривания родительских парных хромосом), важны для сохранения вида: они определяют строгое распознавание макрорельефа хромосомы как

органеллы клетки (а не микрорельефа молекулы ДНК) одного вида по принципу «ключ-замок». Другими словами, спермии человека не оплодотворяют яйцеклетку обезьяны и наоборот, потому что хромосомы клеток двух видов не распознают друг друга. Поэтому «бессмысленные участки» ДНК осмысленно работают в хромосоме, защищая вид от вторжения чужеродной ДНК.

Поскольку макроустройство хромосомы существенно зависит от «пустой» ДНК без генов, многие события при делении клеток, копировании ДНК в дочерние клетки и окончательное растаскивание хромосом между новыми клетками адресованы участкам, незаселённым информацией для кодирования белков.

Генетический глобус

Сама карта топографии генов на хромосомах напоминает глобус или контуры Земли, видимые из самолёта. Основная часть генов сбита в большие и малые «города», которые разделены огромными безжизненными пространствами. Мужская половина хромосома, обеднённая генами, напоминает Византийскую империю, уже пережившую эпоху взлёта. За истекший период истории многие гены покинули эту территорию и перебрались в другие «страны».

Наоборот, девятнадцатая хромосома человека напоминает генетическую «столицу» — весь информационный хлам и старые отжившие постройки выкинуты с этой функционально продвинутой территории. С большим трудом на этой хромосоме удалось отыскать вакантные места, не застроенные генами, то есть не несущие в реальный мир проекты трёхмерной жизни мира белков и белковых машин. Вот почему аномалии 19-й хромосомы заканчиваются смертью уже в утробе матери.

На техногенном языке — любая функция клетки закодирована устройством белковых машин. На девятнадцатой и двадцать первой хромосоме хорошо виден порядок жизни в «городах»: вдоль главной улицы кварталы застраиваются дубликацией генов, то есть все родственники селятся рядом. Хотя бывают исключения, когда новые отпрыски генов начинают осваивать далёки территории. Хромосомы человека отличаются от хромосом бактерий, дрожифилы и низших многоклеточных максимальными перепадами плотности генов по длине двойной спирали ДНК. У человека — максимальное число «мегаполисов» генов наряду с огромными пустыми пространствами бессмыслицы. Именно на границе «генных городов» и «пустырей» рождаются новые проекты переустройства старых генов или правил использования старых генов для новой функции.

Количественных спор

Подсчёты общего числа генов в геноме человека проводились несколькими международными командами учёных. Однако общепризнанными лидерами гонки считалась частная компания «Селера» во главе с Грегом Вентером. Эта команда пришла первой к финишу, поскольку имела максимальное число секвенаторов для просчитывания генетических текстов и их классификации по признакам однородности, микро- и макрогетерогенности. Критерии положенные в основу этой классификации, остаются пока дискуссионными. Возможно, что новые открытия в этой области повлияют на признаки, положенные в основу идентификации и периодизации таблицы генов. Сотрудники Вентера пришли к заключению, что к началу 2001 года в геноме человека со стопроцентной достоверностью идентифицировано 30–40 тыс. генов. И это оказалось в три раза меньше, чем они предсказывали ещё два года назад.

Вторая команда исследователей из Национального института геномных исследований США во главе с Френсисом Коллинсом независимым способом получила те же результаты — не более 40 тыс. генов в геноме одной клетки человека.

Разнобой в окончательные оценки пока вносят две другие международные коллаборации учёных.

Доктор Вильям Хезелтайн руководитель фирмы «Хьюмэн Геном Сайенс») настаивает, что в их банке содержится приватизированная информация на 120 тыс. генов. Этой инфор-

мацией он не собирается пока делиться с мировой общественностью фирма вложила деньги в патенты и собирается заработать на полученной информации, поскольку она относится к генам широко распространённых болезней человека.

Фирма «Инсайт» имеет каталог 140 тыс. идентифицированных генов человека и также настаивает на этом количестве общего числа генов человека.

Очевидно, что наспех приватизированная генетическая информация будет ещё тщательно проверяться в ближайшие годы, пока точное число букв «алфавита генов» станет окончательно канонизировано. Хотя уже сейчас становится очевидным, что правило чисел и относительное положение генов на хромосоме, по-видимому, никак не определяют законов функционирования. Так, белковый состав многих специализированных клеток мыши, крысы и человека выглядит похожим, хотя сами гены разбросаны по-разному на хромосомах.

Обезьяны, черви, дрозофилы

Интуитивно многие эксперты склоняются к тому, что потолок генома у *Homo sapiens* — 120 тыс. генов. Показатель в 40 тыс. генов слишком близок к таковому плодовой мушки дрозофилы (13 тыс. генов) и простейших червей (19 тыс.). К тому же 95% генов-близнецов наши хромосомы делят с обезьяной, то есть всего 8 тыс. новых генов нас отделяют от ближайших предков.

Многих такая арифметика пугает. И всё же 40 тыс. генов — много это или мало? Ведь 33 букв русского алфавита, например, оказалось достаточно для передачи любой информации и любых нюансов (материальных и нематериальных) феноменов жизни. Хотя каждая буква в линейном тексте всегда обречена иметь только двух соседей справа и слева. В этом смысле трёхмерный мир белков не имеет таких ограничений. Возможности белков значительно превышают возможности букв в линейном тексте. В мире белков «слову» соответствует «машина», собранная в устройство из 5–100 белков. Далее белковые машины собираются в клеточные заводы (органеллы). Затем несколько органелл сообща обеспечивают специализированные функции клеток.

40 тыс. генов в геноме клеток жёстко кодируют лишь устройство строительных модулей, но не алгоритм их сборки в белковые машины. Клетки не являются полными автоматами, которым вся программа функционирования прописана заранее. Оказалось, что у клеток гораздо больше свобод и возможностей сборки белков на базе идентичных сочетаний генов. Самое главное, что режиссура и число задействованных актёров пьесы постоянно меняются, что делает «клеточные подмости» динамичным конвейером, где идут новые и новые пьесы из жизни белковых молекул.

Новая наука — протеомика — занимается расшифровкой белковых «масок» фенотипа клеток для максимальной адаптации и выживания в борьбе с контринформацией противников. В таких условиях репертуар генома гибко формируется информационным контекстом сигналов в самой клетке. Геном не в состоянии фиксировать бесконечное множество комбинаций в долгосрочной ДНК-памяти клеток. Оперативная память клеток, собранная из комбинации текущих сигналов, формирует know what и know how по текущей ситуации. Клетка скорее постоянно импровизирует своими генами, чем стереотипно отвечает предсуществующим набором программ. Некоторые из фенотипов клетки связаны с болезнью клеток и организмов. В ближайшие годы надлежит понять, как с помощью сигналов и программ добиться блокирования болезни, влияя на реализацию фенотипа клеток.

Поражает и генеалогия генов человека. Что уж точно подтвердила программа «Геном человека», так это эволюционное родство генов. Существует единый сетевой мир генов на планете, где все важнейшие события происходят как бы в единых координатах и шкале событий. Более трети всех наших генов имеют очевидные признаки сходства с генами бактерий, особенно генов для повседневных функций. Этот «золотой запас генов», обеспечивающих клетку энергией, пищей, балансом притока/оттока простых и сложных молекул, практически очень медленно эволюционирует, поскольку обеспечивает «непотопляемость» живых клеток в разных ситуациях.

Новые гены не рождаются из информационной пустоты и бессмыслицы. Чаще всего новые «тесты» появляются в недрах древних генов. Главные «катализаторы» информационной «новизны» и «псевдоинформации» — фрагменты генов ретровирусов, получивших название *мобильных генов*. Они могут разрезать ДНК на мелкие фрагменты и заново сшивать фрагменты в новом порядке. Фактически мобильные гены научились с высокой эффективностью «тасовать» линейный текст генов как колоду карт.

В подавляющем числе случаев такое «вмешательство» приводит к повреждению смысла и нарушению функции гена. Но очень редко эта «перестройка» ДНК влечёт за собой появление «информационной новизны», которая приводит к рождению белка с новыми участками связывания. Поскольку эволюция запоминает лишь рекорды и удаchi, такие уникальные успешные (слепые) находки эволюция сохраняет в потомстве. Многие гены человека (например, семейство иммуноглобулинов — рецепторов межклеточных узнаваний) представляют не просто «семейство», а целую «микровселенную» генов. Каждый ген иммуноглобулина разбит мобильным геном на микродоли смысла, перемежающегося с бессмыслицей. Этим способом эволюция превратила один ген человека или млекопитающих в конвейер, поставляющий в клетку серию мРНК, в которую попали разные смысловые фрагменты одного и того же гена. Поэтому многие гены человека выполняют разнообразные функции, будучи вовлечёнными в работу белковых машин в разных органах и тканях.

Те же мобильные гены в геноме человека являются причиной наследственных заболеваний, когда внедряются и разрушают структуру и функцию смыслового текста ДНК.

* * *

Ясно пока одно. Сам каталог генов и карта их расположения на хромосомах не раскрыли принципов функционирования генома. Как общая численность генов, так и их локализация на хромосомах весьма сильно варьируют от вида к виду. Между тем мир белков в клетках разных видов подчиняется общим правилам сборки в универсальные клеточные машины и органеллы. Раньше полагали, что сборка белков в сети и машины происходит в клетке автоматически. Теперь ясно, что этим управляют специальные программы. Их предстоит расшифровать в ближайшие годы.

Независимая газета, 21 марта, 2001

Мы ранены пулями, попавшими в наших дедов

Сенсационное открытие сделано учёными знаменитого ЦИТО: огнестрельные раны «передаются» генетическим путём
Лариса ВАСИЛЬЕВА

Послевоенное поколение заливало водкой тревожную память и писало стихи «Мы все подстрелены войной». Поэты-победители имели в виду осиротевшие семьи, разграбленные города и осколочные раны, которые могли напоминать о себе через годы. Современные учёные пришли к выводу — мы ранены намного серьёзнее, чем думали. Военные пули догоняют нас, в своём большинстве мирных жителей, и по сей день.

Мы пришли в Центральный институт травматологии и ортопедии, чтобы поздравить сотрудников легендарного ЦИТО с его 80-летием. У института — потрясающая история, здесь работают замечательные учёные, о каждом из которых хотелось бы написать отдельный материал. Но в канун Дня Победы речь, естественно, не могла не пойти о войне и о тех страданиях, которые она приносит человеку.

Огнестрельные ранения — одна из важных тем, над которыми работают специалисты ЦИТО. Заслуженный врач России Гурген Абавенович Кесян и старший научный сотрудник ЦИТО, кандидат биологических наук Ирина Евгеньевна Кондратьева — не только теоретики. Огнестрельные раны они изучали в самых «горячих точках» — ездили в Приднестровье,

Абхазию, Кабул, Чечню и «разбирались» на месте военных действий.

После долгих экспериментов и исследований московские учёные недавно открыли (и запатентовали) так называемый генотоксический эффект, возникающих у человека после любого огнестрельного ранения. Суть в том, что если в вас когда-то стреляли — на этом дело не кончилось, последствия могут случиться самые страшные. А если вспомнить, что наш народ перенёс не одну Великую Отечественную, а несколько войн, то получается, что российская генетическая память — штука очень нездоровая. При таком раскладе здоровых людей среди нас может не оказаться вовсе.

Дело в том, что после выстрела идёт повреждение на уровне хромосом — они деформируются. И от сотрясения в тканях возникает так называемая зона вторичного некроза. Генотоксический эффект ещё предстоит тщательно исследовать. И если наблюдения учёных подтвердятся, то можно будет сделать окончательный вывод: последствия выстрелов передаются по наследству как хроническое заболевание, и десятилетия спустя, через много поколений могут рождаться дети с пороками развития, гидроцефалы, у женщин могут случаться необъяснимые выкидыши.

— Давайте я вам таки разорванные хромосомы покажу, — несёт Ирина Евгеньевна чёрно-белые снимки. На них характерные «иксикки» — скопище генов, крестообразная тайна наследственности. Одни — хромосомы как хромосомы, край чёрный, край белый. А вот хромосомы раненые: светлые и тёмные кусочки в них поменялись местами. И, сразу видно, что в выверенной природой системе наступил некий беспорядок.

— Так «раненые» участки хромосом никуда не деваются? — спрашиваю учёного.

— Лучше б девались. Намного хуже, когда изувеченные клетки останутся и будут продолжать работать в чумом для них режиме. К чему это приведёт, никому не известно...

ДНК, как основа жизни, будет существовать в нарушенных хромосомах не так, как все было закодировано изначально. В ответ — непредсказуемая реакция организма на любые факторы и агенты окружающей среды, ухудшение здоровья.

Последствия войны 45-го года до сих пор отдаются у людей, например, хроническими огнестрельными остеомиелитами. Но сегодня оружие стало куда изощрённее. Оно высокоэнергетичное, скоростное, пуля из него летит со скоростью 980 метров в секунду. Кинжал в этом смысле гуманнее — последствий там не бывает. А после выстрелов нарушенная хромосома продолжает жить, функции идут. Но со сбоями — в виде инфекционных болезней, злокачественных опухолей.

— Идёт нарушение наследственного аппарата, — рассказывают учёные. — Чем это страшно? Человек, переживший огнестрельное ранение, теряет адаптационный ответ, который выработала наша эволюция за весь период развития. А гены — вещь серьёзная, они хранят накопленную информацию начиная с 2–3 тысяч лет до нашей эры и передают весь свой «запас» от матери к дочери — и дальше, по генеалогическим линиям. Нарушенная, повреждённая ДНК, носитель наследственной информации, может дать иное качество. Появляются инфекционные заболевания, новообразования, сокращается рождаемость. Можно предположить, что растут поколения с определёнными нарушениями психологического статуса. Дети становятся плохообучаемыми, агрессивными. Выстрелы по воздействию на человека можно сравнить с низкими дозами радиационного излучения. Тогда тоже происходит ломка хромосомного аппарата. От большой дозы человек умирает. От маленькой — остаётся жить и мучиться и детям по наследству передавать. Так через травмированные клетки беда распространяется на ни в чём не повинные поколения.

Но и нынешнее поколение добавляет ран в нашу общую генную память. Речь идёт не только о «горячих точках», но и о наших «мирных» городах, где ежечасно — вдумайтесь только! — погибают от пуль или получают огнестрельные ранения четыре человека. Получается, что на невоюющей территории чьими-то мишенями ежегодно становятся 28800 человек.

— Сейчас, по-моему, ещё и больше выходят — посмотрите криминальную хронику, — грустно констатирует Ирина Евгеньевна. — В итоге всего 30 процентов здоровых детей ро-

ждается. И экология, конечно, виновата, и тот генетический груз, который несёт население со всех прошедших войн. Мы — нездоровая нация. И что будет с нами дальше, никто предсказать не в силах.

Да, геном человека учёные расшифровали. Но большая его часть — немалая, которую мы можем увидеть, но не знаем, на что она способна. Так называемые «молчащие» гены. То ли это наследие прошлого, то ли база для будущего. Как они могут себя повести, мы, увы, не можем ответить...

Панацея

При интенсивном лечении есть возможность снизить генотоксический эффект, но не больше чем на 50 процентов. Но это — если лечиться, а тут о существовании самой проблемы почти никто не знает. Поэтому люди, стоящие на учёте после огнестрельных ранений, должны проходить диспансеризацию, постоянный медикаментозный курс.

Комсомольская правда, 7 мая, 2001

Ущербен ли образованный человек?

ВОЛКОВ А.В., 6.12.00

В исключительной образованности есть что-то болезненно отделяющее человека от остальных людей. В последнее время внимание учёных привлек так называемый синдром Аспергера, или синдром учёных. Люди, страдающие им, имеют ярко выраженные способности к изучению иностранных языков, они легко запоминают факты, цитаты, даты, виртуозно жонглируют цифрами, но в то же время выказывают вопиющую неспособность к контактам с другими людьми. Они замкнуты, одиноки; внешне их жизнь кажется совершенно лишённой эмоций.

В среднем почти каждый пятитысячный ребёнок страдает синдромом Аспергера. Мальчиков он поражает в восемь раз чаще, чем девочек. Эти дети заметно выделяются с самых ранних лет. Они начинают связно говорить ещё до трёх лет, причём часто бывают до смешного рассудительны в своей болтовне. Однако знания, быстро усваиваемые ими, редко используются для общения с другими детьми: они слушают, смотрят, запоминают, но не любят с кем-либо говорить.

Ещё в 1944 году австрийский врач Ханс Аспергер описал это своеобразное нарушение психического развития, но лишь недавно в США началось тщательное обследование почти тысячи человек, предположительно, страдающих им. Нейрологи Фред Фолькмар (Volkmar) и Ами Клайн (Klin) собрали людей со всех уголков страны, чтобы исследовать их способность к общению, их привязанности, историю их семьи, наследственность, активность головного мозга.

Долгое невнимание к этому синдрому понятно. Дело в том, что пациентов, страдающих им, никак нельзя назвать неудачниками. У большинства достаёт ума и способностей найти удобную нишу в обществе, в которой они блестяще проявляют свои таланты и избегают постоянного общения с другими людьми (этот синдром нельзя путать с аутизмом — недугом, который зачастую мешает человеку найти хоть какое-то место в жизни).

Синдром Аспергера передаётся обычно по наследству. Можно предположить, что в нашей стране число людей, страдающих им, заметно выше среднего, ведь этому способствовала «принудительная селекция» первой половины века, когда люди энергичные, социально активные «страдали за идею» и гибли, а герои нашего рассказа, с искренней иронией относясь к самому понятию — «коллектив», — равнодушно, без всякого публичного протеста, принимали любую навязываемую им форму общежития. В их поведении не было ни малейшей трусости или покорности, в нем сквозило лишь абсолютное равнодушие к каким-либо «социальным ценностям», да и социуму вообще. С таким же успехом их можно было попросить называть понедельник четвергом, а четверг понедельником. По-настоящему их интере-

совал лишь их крохотный мирок, пребывавший в пределах их мозга, — мирок, в который, как в бездну, проваливались обширные пласты знаний по астрономии, археологии, биологии, математике, филологии. Подобным учёным, библиофилам, писателям, которых так и хочется назвать людьми «не от мира сего», легче уцелеть в пору «великих переломов». Естественно, в ближайших поколениях их процент растёт. Общество наполняется людьми холодными, апатичными, равнодушными, умеющими скорее трудиться, чем жить.

По мнению ряда экспертов, синдромом Аспергера в той или иной мере страдали практически все те учёные и писатели, которых мы называем духовными учителями XX века. В памяти сразу же всплывают «узник библиотек» Борхес и Пруст, замкнувшийся от мира за стенами комнаты-крепости, Витгенштейн, произносивший перед своими студентами странненькие философские монологи, не обращая ни малейшего внимания на аудиторию, и Джойс, заведомо ожидавший от окружающих предательства, Даниил Хармс («Он, конечно, был последний в роде; дальше потомство пошло бы совсем уж страшное», — вспоминал Е. Шварц) и Велимир Хлебников, «вряд ли не душевнобольной» (Г. Иванов), а ещё чудаковатые Циолковский и Эйнштейн, а ещё... Равнодушные к обычным житейским радостям, они интересовались лишь своей работой, своим талантом и ещё немного — человечеством. Это — «врождённые ницшеанцы». С абсолютной естественностью они оказываются в стороне от людей, вне людей, сверх людей, где угодно, только не со всеми вместе. Не удивительно, что о них часто говорят, что они «не от мира сего».

Исследования коры мозга, проведенные с помощью ядерно-спинового томографа, показали, что пациенты, страдающие синдромом Аспергера, воспринимают чужие лица как неживой объект. «Когда они смотрят в лицо другому человеку, то возбуждается совсем не тот участок большого мозга, что отвечает за восприятие человеческого лица у всех остальных людей, а соседний участок: обычно он распознает неживые объекты. Социальная апатия, характерная для этих людей, обусловлена манерой их мозга обрабатывать поступающую информацию», — отмечает Фолькмар. Жизнь других людей мало затрагивает их. Они подсознательно относятся к ним, как к камням, деревьям или хотя бы «многоуважаемым шкапам».

Лекарства против этой болезни нет. Медики могут подавлять таблетками лишь сопутствующие ей проявления: депрессию, шизофрению, повышенную агрессивность. Определённо помогает лишь раннее, целенаправленное воспитание у ребёнка навыков общения с другими людьми, а также создание спецшкол, в которых будут собраны дети, страдающие от этого синдрома. Здесь их станут учить не только обычным школьным предметам, которые и так даются им выше всяких похвал, но и общительности, умению понимать чужие настроения и вести эмоциональную жизнь.

Итак, каждый человек может быть в меру образованным, но исключительная образованность доступна лишь людям, в какой-то мере больным, готовым ради абстрактного знания презреть все банальные наслаждения, позволительные другим?

Знание — сила. № 4. 2001

Отрицательная рецензия в «Московских новостях»:

Автор ненавидит образованных людей и проповедует мракобесие. Очевидно, он придерживается «уравнительных», социалистических взглядов. Странно, почему такой человек печатается на страницах известного либерального журнала, ведь он отражает мнение плебеев, 70 лет строивших в СССР «новый мир». Очевидно, он разделяет китайские взгляды на образование, ведь там «всех умных загоняли для перевоспитания в трудовые школы».

Волков (Грудинкин) А.В., 16.05.01

Уважаемый ....!

С интересом прочитал Вашу рецензию на мою статью «Ущербен ли образованный человек?» В меру своих сил попытаюсь ответить на некоторые возникшие у Вас вопросы.

Начнем с того, что данная заметка опубликована под рубрикой «Скептик». Само название рубрики обязывает помещать здесь лишь статьи, выражающие сомнения в привычных

истинах. Разумеется, подобные статьи — особенно на социальные темы — должны вызывать резкие возражения и даже гневную отповедь, ибо любое сомнение в установившихся нормах является в той или иной мере отклонением от них.

В конце концов, социальные нормы превращают случайную людскую толпу в некое подобие городской улицы, где все постройки вытянуты в струнку, а не раскиданы в причудливом беспорядке. Норма упорядочивает структуру любого поселения. Норма упорядочивает структуру общества. Каждому из нас важно от встречного соблюдения прописных истин общежития. Холодная, безразличная вежливость лучше неприятных эксцессов. Недаром с глубокой древности любые дома, нарушающие общий порядок, старались сносить, а безумцев, как зачастую и вольнодумцев, изолировать от других. Их поведение неизбежно нарушало равномерный ток событий в обществе, как нарушает их дом, выстроенный посреди улицы.

Такие истины, как «человек должен получать образование», «быть образованным лучше, чем необразованным», «образованность раздражает лишь невежественных людей», нормальны, проверены временем и превратились в нормы, по которым должно жить общество, в то время как заявление «образованный человек ущербен» нарушает этот строй норм, возмущает его. Оно возмутительно! Подобное заявление может быть сделано лишь представителем «крайнего мнения», то бишь мнения, подлежащего перевоспитанию, нивелированию. Это — мнение человека невежественного, праха земли, плебея.

Но ведь крайностей существует две, и это превращает распределение мнений в обществе в некое подобие параболы: на вершине её мнение, отстаиваемое большинством (слава Богу, что истины, обсуждаемые нами, в целом приняты обществом, и люди стремятся получить образование, а не презирают его). Две ветви этой параболы, естественно, спешат к противоположному мнению. Одну представляет собой — соглашусь использовать Ваше определение — плебеи, и впрямь не понимающие, для чего нужно какое-то образование, когда, например, «бабки решают все». Тем страннее видеть другую ветвь — можно назвать её именем Экклесиаста, можно именем байроновского Манфреда.

Её образуют некоторые люди, нарушившие правило «золотой середины», правило «все-го должно быть в меру», — люди, которые увлеклись интересующей их областью знания (или областью культуры) до фанатизма, до полного пренебрежения обычной жизнью общества. Чтобы не повторять примеры, раздражающие Вас и способные превратить меня в Ваших глазах в Моску, лающую на слона Пруста или слона Борхеса, ограничусь цитированием соседней с Вашей колонкой статьи Ю. Арпишкина, рецензировавшего дневники Дины Шварц: «Все события, происходившие в мире, для неё мало чего стоили по сравнению с каким-нибудь не слишком выразительным инцидентом за кулисами. Речь идёт о каком-то врождённом качестве».

Вот типичный пример человека, одержимого своей страстью «по какому-то врождённому качеству». В некоторый момент жизни люди подобного душевного склада испытывают странное ощущение. Прежде они, не задумываясь и нисколько не страдая от своей эксцентричности (или, если хотите, чудаковатости), следовали своему увлечению. Теперь их начинает одолевать навязчивая мысль о том, что они гонятся за собственной тенью. Сколько бы они ни пытались достичь желаемого, всякий раз они находятся в центре сферы, радиус которой бесконечен, а центр представляет собой незнание. Все усилия тщетны. Невозможно найти Алеф, откуда был бы виден, как на ладони, весь мир; невозможно сочинить роман на всех языках кряду; невозможно вспомнить все до единого мгновения жизни; невозможно все прочитать, все познать. Чем шире твоё мнимое знание, тем больше площадь его соприкосновения с незнанием, тем шире незнание. Стремясь посвятить все свободное время предмету своей мёртвой страсти, подобный человек настойчиво отделяет себя от людей, противопоставляет себя им, а потом, когда наступает описанный выше момент разочарования, чувствует себя в тупике, в лабиринте, в пустоте, в полном одиночестве. Его знание принесло лишь печаль. В такой момент хочется отдать ум, талант и образованность за обычное общение, которым фактически пренебрегал столько лет. В этот момент осознаешь, что всю жизнь бежал вперёд по параболе. Казалось бы, ты совершал восхождение! Но вот «золотая середина» дав-

но пройдена, и все твоё поступательное перемещение — уже давно лишь перемещение вниз по ветви параболы.

В этот момент неожиданного открытия и впрямь согласишься, что большинство людей, получивших «образование в меру» — люди вполне нормальные, как и положено быть людям, а твой исключительный интерес выдаёт в тебе некую ущербность, некую — может быть, врождённую? (задаешься вопросом) — недостатку каких-то качеств. В первый миг это удручает; позже понимаешь, что отрицательный оттенок в понятия «ущербность», «недостача» привнесён извне. На самом деле они лишь отмечают, подчеркивают иную внутреннюю структуру объекта и, по серьёзному размышлению, не должны вызывать никаких отрицательных или положительных эмоций.

В чем причина этой недостачи? Конечно, можно относиться с иронией (и заслуженной) к очередной моде объявлять все особенности душевного склада биологическими (в наше время чаще всего генетическими) факторами, но устойчивость душевного склада подобных — назовем их к Вашему неудовольствию — «ущербно образованных» людей не может не наводить на мысль, что в этом выражается и проявляется какое-то их натуральное, «врождённое» качество. Даже пережив разочарование, они пытаются прежде всего вновь обрести или воскресить те давние ощущения, когда их фанатическая страсть была чистой, беспримесной, то есть стремятся вернуться к развилке своего пути, где можно было стать обычным человеком, а можно было предаться своей мании. Вернуться, чтобы вновь пойти все тем же старым путем, войти во все тот же безвыходный лабиринт.

Вся статья сквозит лишь разочарованием; в ней нет ни малейшего осуждения. Это — не тезисы для президентского послания «О мерах по дальнейшей борьбе с умными людьми»; это, скорее, глаголение человека, мрачно застывшего перед зеркалом и повторяющего: «Откуда же эта седина, эти морщины?» И если биологи — мне все равно чьи, американские, российские, ангольские или индийские, но раз сообщение пришло из США, так зачем переиначивать факты? — услужливо предлагают свою гипотезу, то почему бы не обратиться к ней и не пофантазировать, что если и впрямь данное «врождённое качество» порождено органическим дефектом. Это — лишь гипотеза, и недаром статья, в основу которой она легла, заканчивается вопросительным знаком. Конечно, было бы неуместно публиковать подобную гипотезу в «Заметках обозревателя» или «Теме номера», но для рубрики «Скептик» это неприличное мнение вполне годится. Оно возражает прописным истинам, оно возмущает их, оно требует ответа и опровержения, оно вызывает на спор. Слава Богу, что так и произошло.

Конечно, строго говоря, направленность скептической статьи, опирающейся на данную посылку: «Стремление к исключительной образованности порождено органическим дефектом мозга», должна быть совсем иной. Следовало решительно осудить нелепых энтузиастов, интересующихся лишь своей работой (в благоприятных обстоятельствах она чаще всего совпадает с предметом их страсти), своим талантом — и немного «событиями происходящими в мире» и человечеством. Их надо излечивать от их мании — и лучше всего медикаментозно! Куда же смотрят врачи? Скептика на них не хватает. Накопила же советская психиатрия немалый опыт в борьбе с людьми, мыслящими неправильно!

Скептик, вооруженный механической логикой, должен был отказать этим людям в психическом здоровье. Однако данный «скептик» находится по ту сторону баррикады. Все его сочувствие обращено к неприканным, неуживчивым, некоммуникабельным, одиноким, замкнутым, но талантливым людям, и потому вместо инвектив в их адрес, он вновь и вновь оглядывается на прожитую жизнь и пытается понять, в чем коренятся её постоянные проблемы.

Эпиграфом к заметке могли бы стать строки ещё одного откровенно нелюдимого и вечно постороннего человека — В. Ходасевича: «Да, меня не пантера прыжками на парижский чердак загнала... Только есть одиночество — в раме говорящего правду стекла». Вы скажете: «Ностальгия, эмиграция», но разве подобное высказывание мыслимо для Д. Мережковского или З. Гиппиус?

Выводом послужил скромный совет, так глубоко оскорбивший Вас. Трудные дети —

это не только двоечники, лодыри, хулиганы, которые навсегда останутся по сю сторону от «золотой середины», но и необщительные отличники-«ботаники», которые очень легко минуют «золотую середину» и со временем очутятся в своём тупике, по ту сторону от неё.

Привлечь к трудному ребёнку внимание психотерапевта ни в коей мере не обидно и не унижительно. Его внимание — не горсть таблеток, полученных от санитары психиатрической больницы. Лекарства нет; полезна лишь психологическая консультация.

В нашем обществе не хватает не только юристов, но и психотерапевтов (во многом потому оно остаётся нецивилизованным). Услуги последних, столь популярные на Западе, помогают людям несколько притерпеться друг к другу, снижают напряженность и агрессивность в обществе, вызванные непониманием личности Другого человека.

Учить общительности трудного ребёнка вовсе не означает «насильственно заставлять его быть таким, как все». Учить общительности — это лишь знакомить его с навыками общительного поведения и эмоциональной жизни, которые в силу какого-то врождённого качества плохо понятны ему. (В конце концов, в иные времена и таблицу умножения можно было вколачивать так, что нерадивый отрок рисковал умереть под розгами.)

Для близорукого ребёнка нет ничего унижительного в том, что ему покупают очки. Для ребёнка с врождённым пороком сердца нет ничего унижительного в том, что ему прописывают лекарства. Для ребёнка, заметно отличающегося от сверстников, не должно быть ничего унижительного в посещении психотерапевта. Это — не насилие над личностью; это — разумная помощь при некоторых врождённых особенностях характера.

Если этот факт по какой-то ассоциации будит в Вашей памяти давние события в Китае, в частности, «культурную революцию», что ж Вы лишь разумно указываете возможное извращение данной идеи, но ведь любая идея может быть извращена. У любой идеи есть свои крайности, но пока они никак не проявлены, лучше держаться твердой почвы фактов. В данном случае почва — это строки. В них нет ни малейшего упоминания или даже намека на «Китай, «культурную революцию», «Школы 7 мая», где «больно умную интеллигенцию» учили «жить в коллективе».

С таким же успехом между строк статьи можно было вычитать намёк на то, что американцы непременно намерены собрать «всех шибко образованных граждан своей страны», посадить их на очередной «философский пароход» и отправить в Россию, где Государственная дума, кажется, одобрила (или по своему равнодушию к политическим событиям, происходящим в мире, я ошибаюсь?) размещение радиоактивного и прочего мусора на своей территории.

Почему в Вашей рецензии я не встретил эту догадку, не понимаю. Из текста моей статьи она вытекала столь же логично, как и версия о том, что меня умиляет китайская «культурная революция». По этому поводу могу лишь заметить, что недавно редакция журнала «Знание — сила» отвергла другую мою статью, в которой я исключительно негативно описывал политические и экономические события в современном Китае. Так что, в умилении «китайским социализмом» моим коллегам трудно меня заподозрить.

Но вновь вернёмся к предмету данного разговора. Несомненно, уже само название статьи вызывает оторопь. Конечно же, в современной России, где, возможно, более половины учеников покидают школу со знаниями ниже среднего уровня, пропаганда мнения о том, что «быть необразованным лучше, чем образованным», недопустима. Данное мнение здесь не пропагандируется, не навязывается и даже не создаётся. Статья о другом. Не подозревать же автора, описывающего, например, механизм развития близорукости, в намерении запретить книги и газеты, «потому что от них глаза портятся».

Конечно, в наше время многие люди ограничиваются лишь чтением броских газетных заголовков, составляя по ним мнение об окружающем их мире. Данный заголовок мог ввести в заблуждение. Поэтому статья была предложена не МК, а журналу, который почти не попадает в руки посторонней и не имеющей обыкновения читать публики.

Данная статья так же не имеет чести быть передовицей некоего «рупора единой правящей партии» — и поэтому её можно не рассматривать как команду «Фас», отданную, чтобы

осадить свободлюбивых образованных людей, которые в наше время «больно умные стали». Статья посвящена частной проблеме, касающейся весьма малого процента людей, и написана автором, который ещё в восьмидесятые годы, подобно классическим персонажам нашей литературы, принялся вести образ жизни «лишнего человека своего времени» и общению с людьми всегда предпочитал общение с книгами, ради мёртвого знания пренебрегая нормами социального общежития. «Мне интересно все, но менее всего живые люди и чьи-то мнения». К своему глубокому сожалению, автор этой статьи давно обнаружил, что живёт по вышеназванному принципу.

Конечно, сами его возражения на Вашу рецензию, казалось бы, противоречат его жизненному кредо, но они написаны по обязанности редакции отвечать на неверное толкование опубликованных ей статей, а отнюдь не из какой-либо личной заинтересованности в ответе.

Любые рецензии, как и любые мнения, — это зеркало, в которое человек смотрит поутру, едва проснувшись. Он видит в этом зеркале некий знакомый абрис, похожий нос, глаза — но до чего же все выглядит не так, неприглажено, непривычно, неестественно, и он отворачивается от зеркала. Сколько людей, столько и мнений — столько и заспанных утренних рассветов. Если прислушиваться к ним, лучше не жить, не просыпаться. Значит, надо не волноваться из-за любого мнения. Поэтому «психологизм» Вашего последнего абзаца абсолютно не точен, не имеет никаких совпадений с психологией воображаемого Вами персонажа.

Он давным-давно, словно бы и всегда, полагает, что люди в принципе относятся друг к другу, как к чему-то неживому, и глубинное, иррациональное устремление любого человека — превратить в «неживой объект» всех своих ближних, поэтому с такой роковой неумолимостью люди стремятся участвовать в войнах, совершают преступления или прибегают к насилию. И, если уж реальное превращение своих ближних в «неживой объект» для большинства людей все-таки табуировано, то эту невозможность с лихвой восполняют унижение, третирование, оскорбление окружающих людей. Трудно найти человека, который хотя бы раз в день не имитировал таким образом убийство своего ближнего. Поэтому, как можно страдать из-за того, что другие плохо к тебе относятся? Из-за чего страдать, если логика подсказывает, что они обязаны так относиться к тебе? Сам автор выбирает меньшее из зол и предпочитает относиться к ближним с холодной отстранённостью.

Упорно придерживаясь данного мнения, он напоминает одного ребёнка, кажется, описанного Ю. Олешей, — ребёнок был близорук от рождения, не подозревал этого и впервые, уже в смышленном возрасте, надев очки, удивился, видя, что все окружающие предметы вовсе не так расплывчаты, как мнилось ему всегда. Автор невольно сливается с персонажем. Что ж, туда ему и дорога, а все внимание вновь рецензенту.

Я вполне понимаю и разделяю Ваше отношение к тем, кто по-плебейски шикает на людей образованных: «Ну вы, больно умные!» Но, к моему удивлению, автор рецензии просмотрел, что в статье нет никакого уничижения людей образованных и восхваления людей необразованных.

Если в тексте говорится, что «всех армян отличает темный цвет волос; почти все они — жгучие брюнеты», это лишь констатация факта, а не оскорбление целого народа. Если в тексте говорится, что некоторые (не все! крохотная часть!) — в среднем 1 на 5000 человек (вы же не будете утверждать, что в нашей стране из каждых пяти тысяч человек лишь один получил образование?) — итак, некоторые — ничтожно малый процент! — образованные люди замкнуты, одиноки; они слушают, запоминают, но не любят с кем-либо говорить, то неужели среди пяти тысяч людей, с которыми вы когда-либо были знакомы, не найдется единственный подобный чудаковатый тип? Не верю.

Не все музыкально одаренные люди, вырастая, становятся Альфредом Шнитке или Юрием Башметом. Не все люди, описанного мной душевного склада, вырастая, становятся Джойсом или Борхесом; не все находят удобную нишу. В большинстве городов и весей современной России эти люди с накопленными ими знаниями сейчас не нужны; чаще всего они одиноко перебиваются случайными приработками, оставаясь совершенно лишними людьми. Я вспоминаю своего мимолетного знакомого (семьи, друзей, да и приятелей у него, кажется,

не было), работавшего киномехаником в Крыму и строившего запутанную философскую систему. В новую жизнь он полностью не вписался, и следы его затерялись.

Итак, данная статья не имеет никакого отношения к проблеме образования, и «исключительная образованность» выполняет в ней роль повседневного костюма, который предпочитают носить её персонажи. Он им удобен, а почему они такие, что им удобен этот костюм, а другим нет, — им и самим бывает любопытно.

Мой ответ вроде бы несколько затянулся, хотя я и собирался черкнуть лишь несколько строк, поэтому — уже на периферии внимания — вспомню исторические судьбы нашей страны. Выписывать примеры из документальной литературы слишком долго, но, открыв книги, посвященные тридцатым годам, легко найти множество примеров в защиту моего мнения. Сплошь и рядом репрессировали социально активных людей — тех, кто выделялся на фоне «коллектива». Они выделялись своей активностью, они, действительно, были «не такие, как все» и становились заметными мишенями, как для тех, кто проводил чистку сверху, так и для завистников и карьеристов, готовых вовремя отправить донос, а затем занять «вычищенное» место.

Коллектив особой роли в разыгравшихся событиях — рискну вызвать ваши гневные Ваши гневные возражения — не играл. Коллектив третирует и преследует лишь беззащитных чудаков «не от мира сего»; в присутствии людей социально активных, наделенных лидерскими задатками, коллектив ропщет, нахмушивается, но не решается ввязываться в открытую борьбу, пока не получит команду от некоей другой социально активной личности — навязанного сверху или самозваного лидера. Коллектив — это коллекция марионеток в ожидании своего кукловода. Или — прибегну к другому сравнению — античный хор, в уста которого режиссер вкладывает любой текст. Сегодня коллектив по команде сверху кровожадно требует расстрела отщепенцев, завтра миролюбиво славит генерального секретаря ЦК.

Персонажи данной статьи — тоже «не такие, как все», но по-другому «не такие». К ним лучше всего подошло бы жаргонное определение — «пофигисты» или, если бы это слово не было обременено посторонними ассоциациями 1948 года, «космополиты», «граждане мира». Приравнять космополита к пофигисту? Я думаю, что Вы кипите от возражений. Но что делать с этими людьми, если в какой коллектив их ни заключи, он им не интересен или мало интересен. Какое было дело лучшему ирландскому писателю Джойсу до его родины? Уехать куда-нибудь в далекий Цюрих или Триест, где ни встретишь на улице ни одного ирландца... Превратиться в посторонний атом, попавший в неизвестно какое тело... «Его житейская безалаберность», по замечанию С. Хоружего, «равнялась таланту, а эгоцентризм ещё превышал последний». Что ж, дух книги интереснее духа людей.

Подобные люди пребывают на периферии Коллектива, и этим они были менее опасны в «подковерных сражениях Гражданской войны 1930-ых годов». Поэтому метили прежде всего не в них. В любой войне снаряды пускают, в первую очередь, в гущу толпы или же стараются подстрелить лидеров, командиров. Одиночки становятся жертвами чаще всего лишь записных трусов, готовых в своей подозрительности стрелять очередь в ответ на любой шорох — или же тех, кто, вдоволь «напившись крови», испытывает особое, небывалое удовольствие оттого, что может обречь на смерть любого человека — от бравого горлопана до скромного тихони.

Действие окончено.

P.S. Можно подвести итог переписки: воробьи убиты, пушки снова заряжены, общественный порядок восстановлен. В портфеле редакции лежит статья «Ущербен ли трудолюбивый человек?»; она проповедует обломовщину и, по меткому замечанию одного из редакторов, вслед за интеллигенцией оскорбит теперь всех трудящихся.